

СУДЬБЫ И КОНТУРЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

В.М. Маслов

DOI: 10.7256/1999-2793.2013.05.4

ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ В МИФОЛОГИИ И ИСКУССТВЕ: СПЕЦИФИКА И ЗНАЧЕНИЕ

Аннотация. Статья выступает формой развития системных, диалектических, синергетических представлений о постчеловеческом, о теории и практике радикальных, качественных трансформаций человека и общества. Высокие технологии (биотехнологии, киборгтехнологии, информационные технологии, виртуальная реальность, искусственный интеллект) предоставляют все больше возможностей для реализации постчеловеческих целей: «линия Прометея» (от мифологии к русскому космизму и трансгуманизму) находится в фокусе современных исследований постчеловеческого. Анализ постчеловеческого в мифологии и искусстве — «линии Орфея» — обогащает и уточняет общее понимание постчеловеческого. Сравнительная ценность постчеловеческих моментов мифологии может идентифицировать их исконными чаяниями людей. Постчеловеческое мифологии снимает искусство. Сегодня постчеловеческое в искусстве наиболее полно представлено в научной фантастике и фэнтези. Содержательная ценность научной фантастики соотносится с научным знанием о будущем. Мир фэнтези можно рассматривать как идеальную форму реализации постчеловеческой свободы и принципа удовольствия. Фиксируемый культурный дрейф от принципа реальности к принципу удовольствия — еще один существенный фактор проблематичности постчеловеческого будущего.

Ключевые слова: философия, футурология, русский космизм, трансгуманизм, мифология, искусство, высокие технологии, научная фантастика, фэнтези, принцип удовольствия.

Иntenсивно развивающаяся и достигающая все новых качественных рубежей современная наука и техника, высокие технологии предоставляют все больше возможностей для реализации идей радикальной трансформации человека и общества (бессмертие, киборгизация и т.п.). Последние цели — наиболее весомо представленные в возникшем в 80-90-х годах XX в. трансгуманизме — вызывают обоснованную критику¹. Очевидна итоговая неопределенность предполагаемых колоссальных качественных изменений. В целом, можно сказать, что сформировался новый актуальный объект философского интереса, привлекающий все большее внимание специалистов. Складывается базовая область постчеловеческой проблематики в философской антропологии². Постчеловеческое

становится одной из основных тем футурологии³. Если символом интенсивности научно-технического развития служит известный закон Мура (в общей трактовке: характеристики вычислительных систем улучшаются в два раза за два года), то цель исследования постчеловеческого может выражать стремление к максимально точному сопровождению и экзистенциально-социальному наполнению его экспоненты.

Точность и полнота отражения постчеловеческого вектора развития в настоящем и будущем во многом зависит от исходного, общего понимания постчеловеческого феномена. Проблематичность последнего выражает отсутствие общепринятого родового наименования идей и концепций ра-

антропология: личность в перспективе постчеловечности // Вопросы философии. 2009. № 4 и др.

³ Клягин Н.В., Рябушкина И.Б. Общество будущего // Философия и культура. 2012. № 2; Fukuyama, F. Transhumanism — the world's most dangerous idea // <http://www.au.dk/fukuyama/boger/essay> и др.

¹ Кутырев В.А. Время Mortido. М., 2012.

² Гуревич П.С. Феномен деантропологизации человека // Вопросы философии. 2009. № 3; Тульчинский Г.А. Новая

дикальной трансформации человека и общества. («Постчеловеческое» только претендует на эту роль.) Во многих связанных с тематикой постчеловеческого работах единственным представителем является/упоминается трансгуманизм. Но, как известно, есть еще и русский космизм. Разъяснения в этой области проблематичности постчеловеческого ставит одну из логически исходных теоретических задач: выявление всех историко-идеологических форм, множеств постчеловеческих представлений и установление их системных взаимоотношений друг с другом.

Анализ открывает четыре историко-идеологических формы постчеловеческого: мифологическую, русского космизма, трансгуманистическую, художественную. Они объединяются в две линии развития. Научно-техническая «линия Прометея» идет от мифологии к русскому космизму и трансгуманизму. «Линия Орфея» — от мифологии к искусству. В современной теории превалирует интерес к «линии Прометея». Как правило, точнее, в лучшем случае, проблематика мифологической и художественной форм постчеловеческого берется на уровне отдельных примеров или общих заявлений.

Нельзя отрицать приоритетность анализа «линии Прометея», исследования направления реального осуществления и будущих стремлений постчеловеческой теории и практики. Но, априорно, нельзя предполагать малозначимым мифологическое и художественное множества постчеловеческих представлений, предполагать, что в них нельзя обнаружить то, что существенно обогатит представление о реальной постчеловеческой «линии Прометея». Далее или более того, апостериорно, в постиндустриальном, постмодернистском мире, в массовом обществе с массовой культурой, все, что связано с искусством, должно вызывать повышенный интерес. Следует признать, что, несмотря на известную статусность, многие мировоззренческие идеи науки и философии, практически, не известны и не влияют на общественную жизнь. Те же самые или сходные идеи, выраженные в художественной форме, могут сразу затронуть миллионы людей. Содержание мифологического, художественного постчеловеческих множеств, постчеловеческой «линии Орфея» как таковые и их синергетическое, диалектическое взаимодействие с постчеловеческой «линией Прометея» должно быть предметом специального анализа и постоянного заинтересованного мониторинга.

Обращение к мифологии (к началу человеческой истории), вообще, а во времена постнеклассической

рациональности, особенно, актуализирует исходную трудность ее научного анализа — проблему «осовременивания прошлого». То, что прошлое может быть иной формой современной пристрастности, остро чувствовали все исторически мыслящие философы, к примеру, Г. Гегель требует «не искать в древних философских учения больше того, что мы вправе там находить»⁴. У А.Ф. Лосева находим простой и емкий образ происходящего в данном случае. Он считает, что известный афоризм Гераклита — «Все движется и ничто не стоит на месте», исторически адекватно звучит — «Все распространяется, или уступает место другому, и ничто не ждет»⁵. Очевидно, что философская насыщенность этих случаев разная, ставящая серьезную задачу по корректировке обычных представлений о ранней греческой философии. Вряд ли можно уверенно (самоуверенно) утверждать, что проблема осовременивания прошлого может быть полностью снята, но подчеркивание наличия таковой — необходимое начальное условие нейтрализации этой негативной возможности.

В мифологии находим много близких постчеловеческому идей и образов. (В мифологии и религии, учитывая, например, близость библейских сказаний древним мифам⁶.) В положительном для постчеловеческого плане воспринимается тематика жизни, смерти, бессмертия. По многим мифам, смерть отсутствует в начале времён, и появляется потом, как следствие «потери способности к бессмертию», лишения бессмертия за нарушения (вкусение райских яблок), результат случайности (мотив «ложной вести», когда посланник богов не донес людям обещанное им бессмертие). Смерть воспринималась как худшее из творений противника доброго создателя мира. Бессмертие искали многие мифологические, культурные герои: Мауи в мифологии Океании, Гильгамеш в шумерской и аккадской мифологии. Смерть стремились победить: Сизиф в античной мифологии, хитрый плотник в марийской мифологии. Бессмертие есть божественный признак и величайшая награда (принятие Геракла в сонм олимпийских богов; Аваллон, Нару, Рай, Елисейские поля, острова блаженных). Повсеместно распространенные мифы об умирающем звере, боге превращала смерть в момент жизни (смерть становилась аналогом сна).

⁴ Гегель Г. Лекции по истории философии. Кн. 1. СПб., 1993. С. 101.

⁵ Лосев А.Ф. История античной эстетики (ранняя классика). М., 1963. С. 352.

⁶ Фрэнгер Дж. Фольклор в Ветхом завете. М., 1986.

Мифологический антропоморфизм снимает противопоставление одушевленного и неодушевленного, делая окружающий мир единым живым целым. Красноречивыми примерами подобного выступает известные метаморфозы, превращения культурных героев в реалии ландшафта, космоса (созвездие Андромеды). В рамках тотемизма предполагается возможность перехода людей в животных и обратные превращения, оборотничество. Примером глобальности подобного космического единства называют морского бога Протея античной мифологии, который мог превращаться во все, что угодно. Постчеловеческие разработки идей отсутствия принципиальной разницы между традиционным, биологическим человеком и разумным, кибернетическим механизмом, живой и косной материей⁷ созвучны указанным мифологическим представлениям.

Известную мысль о том, что люди творят богов по своему образу и подобию, нужно понимать и в том смысле, что в образе богов выражены идеалы многих людей, их желания, образы того, какими бы они хотели быть. С этим соотносится известная концепция А.Ф. Лосева о развитии мифологических представлений от начального, архаического этапа к героизму, когда люди/герои начинают соперничать с богами, воспринимать богов равными себе⁸. Безграничные возможности богов, волшебные средства героев (сумка Персея, шапка невидимка, скатерть-самобранка), блаженство жизни гипербореев сравнимы с предполагаемым величием постлюдей.

Образ Прометея (культурного героя, вообще) характерен для мифологии. (Его возможные истоки в древней магии; по Дж. Фрэзеру: в начале люди считали, что все в окружающем мире может быть подвластно их магическим действиям: «дикарь не видит предела своей способности воздействовать на ход природных процессов и обращать его в свою пользу»⁹.) Предельно положительное восприятие Прометея — символ человеческого прогресса, созидательных сил человечества, веры в науку и будущее» — делает Прометея не только общим образом перехода от «мифа к логосу» и к научно-техническому прогрессу, но и образом возможности достижения постчеловеческих целей.

В мифологии присутствуют созвучные постчеловеческому представления, но нельзя утверждать, что они характерны для мифологии. Примером противоположного отношения к бессмертию можно взять известный мифологический образ Коцея Бессмертного. Общий анализ ситуации будет выходить на известное утверждение К. Леви-Строса о всеобщей оппозиционности дописьменных культур. Но, учитывая актуализацию постчеловеческой проблематики, вряд ли такой итог сохранится после предполагаемых здесь специальных, конкретных исследований. Слишком важно в полемической борьбе обоснованно утверждать, что: «Есть идеи особого рода, чей возраст равен возрасту человечества, они записаны в нашей генетической памяти, наряду с самыми древними инстинктами ... к таким идеям относятся стремление научиться летать и мечта о победе над смертью»¹⁰.

Актуальность соотнесения постчеловеческих идей с тысячелетними чаяниями людей даст дополнительный импульс неослабевающему интересу к мифологии (из последних концепций отметим сравнительный анализ мифа и науки К. Хюбнера). Скорее всего, основой многих разработок будет диалектическое уточнение характерных для отечественной мысли представлений о том, что синкретизм мифологии, позволяет считать ее первой формой мировоззрения или «основным способом понимания мира в первобытном обществе»¹¹. Это можно сделать, опираясь на известную концепцию А.С. Токарева, согласно которой уже с самого начала отдельные мифы соотносятся с разными феноменами, например, религий, легендой или сказкой¹². Переход от общего, мифологического мировоззрения к множеству специфических, отдельных его моментов предполагает возникновение множества конкретных полемик между критиками и апологетами постчеловечества. К примеру, можно считать, что даже если в мифах говорить об индивидуальном бессмертии, то это свидетельствует только о защите частных, корыстных интересов. Словами Э. Тайлора: «вера в будущую жизнь являлась могучим средством для многих религий ... Жрецы открыто использовали ее в своих интересах, для обогащения и усиления своей касты и для удержания умственного и

⁷ Прайд В., Медведев Д.А. Феномен NBIC — конвергенции: Реальность и ожидания // Философские науки. 2008. № 1.

⁸ Античная литература: учеб. для студ. пед. ин-тов / под ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1986. С. 12-26.

⁹ Фрэзер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1983. С. 18.

¹⁰ Свердлов А.Д. На пороге бессмертия. Блики. М., 1993. С. 3.

¹¹ Мелетинский Е.М. Общее понятие мифа и мифологии // Мифологический словарь. М., 1991. С. 653.

¹² Токарев А.С. Что такое мифология? // Ранние формы религии. М., 1990.

общественного прогресса в пределах освященных систем»¹³.

Можно предположить, что общий постчеловеческий интерес к мифологии будет реализовываться на двух уровнях. В одном случае в новом, постчеловеческом ключе будет осваиваться эмпирически наличная информация. Примером этого можно взять работу по соотношению человеко-животных образов мифологии (сфинкс, кентавр) и научных гибридов, химер¹⁴. В другом случае мысль будет пытаться выйти на что-то исконное для человека, которое может актуализироваться в связи с постчеловеческой проблематикой. Глубина и конкретность возможных здесь вопросов соотносится с учением об архетипах К.Г. Юнга. Общее направление исследований может задать вопрос о том, как изменилось бы содержание совместной книги К. Кереньи и К.Г. Юнга «Душа и миф: шесть архетипов»¹⁵, если бы в повестке дня стояли постчеловеческие перспективы? Что нового появилось бы при обсуждении архетипов Младенца, Девы, Матери, Возрождения, Духа, Трикстера? Какие другие архетипы могли бы считаться более актуальным предметом обсуждения? Можно ли предполагать актуальность разработки мифов о Пигмалионе и Нарциссе в плане их архетипичности? Итоговый вопрос может быть сформулирован так, если, согласно А.Ф. Лосеву, «миф есть в словах данная чудесная личностная история»¹⁶, то как все это выглядит в постчеловеческом фокусе, парадигме?

Для постчеловеческой «линии Прометея» значимость мифологии выражена достаточно. В этом плане можно и нужно даже подчеркнуть, что реальная сила постчеловеческого в прямой связи с рациональностью и научно-техническим прогрессом, чего не было в древности, т.е. не следует особо преувеличивать значение постчеловеческих представлений мифологии. Новые моменты актуальности мифологического множества постчеловеческих представлений открываются в ходе анализа постчеловеческого в искусстве.

Согласно устоявшимся взглядам, мифология, лишаясь в ходе исторического развития мировоззренческого статуса, становилась художественным про-

изведением, точнее, мифологические темы, образы сыграли и играли в искусстве большую роль. Другое дело, своеобразие перехода от мифологии к искусству, сравнительно с другими видами мировоззрений (религией, философией, наукой). Религиозные идеологи, как правило, отрицают связь между мифологией и религией. Философию и науку объединят с мифом только их ярые критики. Искусство, с одной стороны, как новое светское образование также отличается, уходит от мифологии. С другой стороны, мифология и искусство неразрывно связаны хотя бы тем, что являются формами образного, эмоционального отражения и выражения. В этом плане искусство содержит в себе что-то исконно мифологическое, актуализируя, сохраняя специфику последнего.

Общее соотношение между мифологией и искусством прямо соотносится с общим соотношением постчеловеческого в мифологии и искусстве: постчеловеческое в мифе также переходит в искусство. (Добавим, что аналогично тому как нельзя считать всю мифологию постчеловеческой, искусство также содержит в себе как поддерживающее, так и отрицающее возможность существования постчеловеческого будущего произведения, образы, идеи.) Старые постчеловеческие темы, образы мифологии и созданные в самом искусстве соотносятся со сказочным, волшебным, чудесным, мистическим, магическим, в целом, абсолютно, невозможным/немыслимым в обычной жизни. Известный античный прием «Бога из машины» может быть принципиальным образом подобных эстетических произведений. Примеры влияния, наличия сверхчеловеческих сил в искусстве встречаются во все времена и во многих жанрах (к примеру, в классическом плутовском романе Л.В. де Гевара «Хромой Бес»), характерны для романтизма, готического романа. Классические примеры подобных произведений: «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях» А.С. Пушкина, «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя, «Рип Ван Винкль» В. Ирвинга, «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда, «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, «Иствикские ведьмы» Д. Апдайк, «Колыбельная» Ч. Паланика.

В контексте исторической связи между мифологией и искусством вполне оправдано говорить об их постчеловеческой преемственности: указанные мифы и произведения одинаково будировали мысль и чувства желанием качественно новых возможностей. Но мифология самодостаточное мировоззрение, а наряду с искусством есть религия, философия, науки. С появлением философии

¹³ Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989. С. 310.

¹⁴ Кожевникова М. Гибриды и химеры человека и животных в истории культуры и науке // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. XIV. В. 1.

¹⁵ Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев, 1996.

¹⁶ Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 169.

и науки оформляется реальное, рациональное, научно-техническое направление развития постчеловеческого, «линия Прометея». Теперь, чтобы художественное произведение было прямо соотнесено с постчеловеческой традиций, нужно не только наличие в нем тех или иных чудесных, сказочных, мистических мотивов, но и общая, положительная связь с научно-технической постчеловеческой линией развития. А этому требованию, как известно, многие из сказочных, мистических произведений, принципиально, не соответствуют. К примеру, весь романизм есть форма противопоставления («бури и натиска») рациональности и науке¹⁷. Тем самым, подобные художественные произведения уводили мысль от трудной, конкретной, научно-технической работы по достижению постчеловеческих целей. Фиксируем реальное противоречие в области идентификации постчеловеческого в искусстве. Более полное и точное понимание обнаруженного противоречия приходит после исследования таких современных художественных феноменов, как научная фантастика и фэнтези.

Становление научной фантастики связано с появлением науки нового времени. На звание первого научно-фантастического произведения претендуют: «Утопия» Т. Мора (1516), «Город Солнца» Т. Кампанеллы (1623), «Новая Атлантида» Ф. Бэкона (1627). Отмечается «Государства Луны» С. де Бержерака (1650), где люди переносятся в космос с помощью «многоступенчатой ракеты» («как только пламя уничтожало одни ряд ракет, — они были расположены по шесть штук, — благодаря запалу, помещенному в конце каждого ряда, загорался другой ряд»¹⁸). Упоминается «Франкенштейн или новый Прометей» М. Шелли (1818). Наиболее весомо выглядит предложение считать временем появления фантастики творчество Ж. Верна (1828-1905), опубликовавшего первый научно-фантастический роман «Пять недель на воздушном шаре» в 1862 г.

Согласно общему мнению, 30-70 годы XX столетия представляют собой время расцвета научной фантастики, когда она становится популярнейшим жанром искусства. В это время творила «большая тройка фантастов»: Р. Хайнлайн (1907-1988), А. Кларк (1917-2008), А. Азимов (1920-1992). Сопоставимыми с ними фигурами являются С. Лем

(1921-2006), Р. Бредбери (р. 1920) и Р. Шекли (1921-2006). Также нельзя забывать об отдельных произведениях, входящих в золотой фонд научной фантастики («Война с саламандрами» К. Чапека (1936), «Цветы для Элджерона» Д. Киза (1966) и др.). В это время было снято множество прекрасных научно-фантастических фильмов, в частности, «Космическая Одиссея 2001 года» С. Кубрика (1968). Касаясь вершин российской научной фантастики того времени, выделим А. Беляева (1884-1942), И.А. Ефремова (1908-1972), А.Н. Стругацкого (1925-1991) и Б.Н. Стругацкого (р. 1933), фильм «Солярис» А. Тарковского (1972). Отмечается, что к концу XX в. произошел определенный спад интереса к научной фантастике, исчерпание, мельчание, повторение ее проблематики. Но, возможно, если таковой спад и существовал, то у современных фантастов есть все возможности восстановить утраченные позиции. Источником подобного подъема вполне может быть творчество таких авторов, как В. Винджа (р. 1944), родоначальника киберпанка У. Гиббсона (р. 1948), Б. Стерлинга (р. 1954), С. Лукьяненко (р. 1968). Последний убедительный пример за эту перспективу — общая известность и коммерческий успех, в целом, научно-фантастического фильма «Аватар» Дж. Кемеруна (2009).

Представленный краткий обзор и упоминание ключевых научно-фантастических авторов и произведений (вершины айсберга) выводит на общее представление значимости научной фантастики для понимания постчеловеческого феномена. Анализ постчеловеческой проблематики (специфика ведущих к постчеловеческому новых технологий; положительное или отрицательное отношение к постчеловеческой социальности; возможное время наступления постчеловеческой социальности или постчеловеческая футурология и др.) всегда найдет что-то важное в научной фантастике. К примеру, общее понимание виртуальной реальности будет очень бедным и не глубоким, если мимо специалиста прошли многие, связанные с тематикой виртуальности художественные, научно-фантастические фильмы: «Солярис» А. Тарковского (1972), «Вспомнить все» П. Верховена (1990), «Матрица» Э. и Л. Вачовски (1999), «Ванильное небо» К. Кроу (2001), «Начало» К. Нолана (2010) и др. Конкретным примером философского обогащения понимания тематики постчеловеческого служит обсуждение фильма «Матрица»¹⁹.

¹⁷ Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. От романтизма до наших дней. СПб., 1997. С. 3-9.

¹⁸ Воробьев Л. Утопия и действительность // Утопический роман. М., 1971. С. 28.

¹⁹ Прими красную таблетку: наука, философия, религия в «Матрице». Сб. / под ред. Г. Йеффа. М., 2003.

Обозначенная значимость научной фантастики заставляет ставить общую задачу ухода от отмечаемого Э. Дрекслером представления, что «если что-либо «звучит как научная фантастика», — то это основание, чтобы об этом не думать и не принимать во внимание»²⁰. Наоборот, внимание к чему-то научных фантастов должно символизировать, что здесь есть или возникает что-то интересное для науки. В целом, нужно ориентироваться на то, что взаимодействие науки и научной фантастикой есть форма продуктивной, системной деятельности первоклассного ученого. Примером является опыт многих значимых для науки личностей. Первым среди них может быть назван теоретик новой науки, Ф. Бэкон, который не только создал «Новый Органон», но и написал научно-техническую, технологическую утопию «Новая Атлантида». Укажем также на плодотворное сочетание научной деятельности и создания научно-фантастических произведений у К.Э. Циолковского («На Луне», «Вне земли»), В.А. Обручева («Земля Санникова», «Плутония»), И.А. Ефремова («Туманность Андромеды»), что А. Азимов и известнейший фантаст, и известнейший популяризатор науки.

Появление фэнтези как нового жанра искусства, литературы относят к началу XX в. Классическими, известнейшими образцами фэнтези являются: «Дочь короля Эльфландии» Э. Дансени (1924), «Конан» Р.Э. Говарда (1933), «Хроники Нарнии» К.С. Льюиса (1950-1956), «Властелин колец» Дж.Р. Толкиена (1954-1956). Сейчас при подобном перечислении вряд ли можно обойтись без упоминания сказаний о Гарри Поттере. В начальном определении жанровой и тематической специфики фэнтези обычно указывается на то, что оно похоже на историко-приключенческий роман, герои которого действуют в мире, похожем на средневековый, где также много сверхъестественного. Следующая существенная характеристика фэнтези выводится через противопоставление научной фантастике. Важное для научной фантастики законообразное объяснение происходящего, совершенно не требуется для фэнтези. Этим значимым различием, кажется, научная фантастика и фэнтези окончательно разведены, как разные феномены. Что, соответственно, заставляет видеть в фэнтези продолжение указанной выше линии мистической, сказочной, фантастической

в искусстве, объективно, противопоставляющей себя ориентированной на реальное, научно-техническое воплощение в жизнь постчеловеческой идеологии. Подобный вывод вполне обоснован, но он не убеждает до конца. Интуитивно чувствуется, что сказочность «Людмилы и Руслана» А.С. Пушкина и «Властелина колец» Дж. Р. Толкиена, не смотря на всю близость, имеет некое внутреннее расхождение, разрыв. Встает диалектическая задача, сохраняя правомерность представленного выше противопоставления фэнтези и научной фантастики, найти и выразить момент их близости, родственности.

Известный американский прагматист У. Джеймс, рассуждая об идеальной цели преобразования мира для человека, замечал следующее: «Единственным вполне рациональным миром был бы мир волшебных палочек, мир телепатии, где каждое желание немедленно исполняется ... Лишь в немногих сферах жизни приближается мы к типу мира, организованному по образцу мира волшебных палочек. Мы желаем воды — и поворачиваем водопроводный кран»²¹. На уровне классического афоризма эту ситуацию отразил А. Кларк в своем известном законе, гласящем, что «любая достаточно развитая технология неотличима от магии». Похожие идеи представлены в таких произведениях научной фантастики, как «Магия-Инкорпорейтид» Р. Хайнлайна и «Понедельник начинается в субботу» А. и Б. Стругацких. В этих романах мистическое/сказочное дается в такой наукообразной форме, что, практически, воспринимается не в юмористическом, пародийном плане, а как действительная, реальная, обычная научно-техническая деятельность, на базе научно познанных и используемых реальных мистических, сказочных закономерностях. Подобное тождество выводит на свет два момента неразрывной связи между научной фантастикой и фэнтези.

Во-первых, фэнтези и научную фантастику объединяет масштабность изображения. Научная фантастика, верящая в силу научно-технического прогресса, и фэнтези создают целые отдельные вселенные, миры для жизни своих героев. Именно, научная фантастика показала духовной культуре саму возможность подобного масштабного созидания (в частности, через «технологии машины времени»). До этого чудесные, мистические мотивы вплетали в реальность, как во что-то исходное, или относили к «преданьям старины глубокой».

²⁰ Drexler K.E. Engines of Creation 2.0: The Coming Era of Nanotechnology. Updated and Expanded // http://www1.appstate.edu/dept/physics/nanotech/EnginesofCreation2_8803267.pdf. P. 215.

²¹ Джеймс У. Воля к вере. М., 1997. С. 319.

Во-вторых, появление фэнтези можно понять как самое серьезное согласие с безграничными возможностями науки, что и утверждают известные представители научной фантастики. Идеальное функционирование водопровода в примере У. Джеймса предполагает, чтобы пользователь водопровода забыл обо всех научно-технических усилиях и средствах, обеспечивающих эту услугу («Мавр сделал свое дело»). Подобно этому, появление и популярность фэнтези может быть связана с тем, что постчеловеческие идеи, вообще, и представления научной фантастики, в частности, явно или неявно, убедили людей, что они могут уже не обращать внимания на средства обеспечения желаемой жизни, а заниматься/получать желаемую жизнь (интересную, волшебную, без ненужных ограничений, с приключениями) сразу. В целом, здесь отмечается наличие диалектической спирали. Фэнтези не только продолжает художественную мистическую, сказочную традицию, берущую начало в мифологии, но диалектически завершает ее, возвращаясь на более высоком уровне (обоснованном научной фантастикой) к мифологической полнокровности жизни.

Полученная информация о постчеловеческом содержании «линии Орфея» при необходимом дальнейшем соотнесении с постчеловеческой «линией Прометея» приводит к интересным выводам или предположениям. Глобальность постчеловеческих целей, абсолютность постчеловеческой свободы, может быть, уже достаточно явно указала на свою массовую итоговую форму,

цель всех постчеловеческих преобразований — мир фэнтези, где каждый желающий будет иметь свою выигрышную роль. (Если это невозможно в реальной реальности, то легко может быть обеспечено в виртуальной реальности.) Общая обоснованность данного тезиса позволяет далее считать, что известная глобальность, радикальность постчеловеческих целей обусловлена проходящим на наших глазах культурным сдвигом, словами и понятиями З. Фрейда, сдвигом от принципа реальности к принципу удовольствия. Утверждающее свои ценности и потребности, идущее к власти молодое поколение, выросшее в искусственных мирах, в «мирах фэнтези», привыкло многого желать и не бояться качественных изменений: «всегда можно загрузить другую программу». В этом одна из серьезных, объективных основ популярности постчеловеческих идей в их предельно радикальной (экспоненциальной) качественной и временной (быстроты прихода нового) форме. Но воображаемый мир — это одно, а реальный — это другое. К примеру, вряд ли появившейся искусственный интеллект позволит себя отменить, просто потому, что кто-то из людей или даже все люди вместе приняли решение, что это им не подходит. Конечно, все эти предположения нуждаются в дальнейшем серьезном и всестороннем исследовании. Но само их выведенное наличие последний аргумент за плодотворную необходимость специального анализа и постоянного внимания к мифологической и художественной формам постчеловеческих представлений.

Список литературы:

1. Античная литература: учеб. для студ. пед. ин-тов / под ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1986.
2. Воробьев Л. Утопия и действительность // Утопический роман. М., 1971.
3. Гегель Г. Лекции по истории философии. Кн. 1. СПб, 1993.
4. Гуревич П.С. Феномен деантропологизации человека // Вопросы философии. 2009. № 3.
5. Джеймс У. Воля к вере. М., 1997.
6. Клягин Н.В., Рябушкина И.Б. Общество будущего // Философия и культура. 2012. № 2.
7. Кожевникова М. Гибриды и химеры человека и животных в истории культуры и науке // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. XIV. В. 1.
8. Кутырев, В.А. Время Mortido. М., 2012.
9. Лосев А.Ф. История античной эстетики (ранняя классика). М., 1963.
10. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991.
11. Мелетинский Е.М. Общее понятие мифа и мифологии // Мифологический словарь. М., 1991.
12. Прайд В., Медведев Д.А. Феномен NBIC — конвергенции: Реальность и ожидания // Философские науки. 2008. № 1.
13. Прими красную таблетку: наука, философия, религия в «Матрице». Сб. / под ред. Г. Йеффа. М., 2003.
14. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. От романтизма до наших дней. СПб, 1997.

15. Сverdlov A.D. Na poroge bessmertiya. Bliki. M., 1993.
16. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989.
17. Токарев А.С. Что такое мифология? // Ранние формы религии. М., 1990.
18. Тульчинский Г.А. Новая антропология: личность в перспективе постчеловечности // Вопросы философии. 2009. № 4.
19. Фрэзер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1983.
20. Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом завете. М., 1986.
21. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев, 1996.
22. Drexler K.E. Engines of Creation 2.0: The Coming Era of Nanotechnology. Updated and Expanded // http://www1.appstate.edu/dept/physics/nanotech/EnginesofCreation2_8803267.pdf.
23. Fukuyama F. Transhumanism — the world's most dangerous idea // <http://www.au.dk/fukuyama/boger/essay>.

References (transliteration):

1. Antichnaya literatura: ucheb. dlya stud. ped. in-tov / Pod red. A.A. Takho-Godi. M., 1986.
2. Vorob'ev L. Utopiya i deystvitel'nost' // Utopicheskiy roman. M., 1971.
3. Gegel' G. Lektsii po istorii filosofii. Kn. 1. SPb, 1993.
4. Gurevich, P.S. Fenomen deantropologizatsii cheloveka // Voprosy filosofii. 2009. № 3.
5. Dzheyms U. Volya k vere. M., 1997.
6. Klyagin N.V., Ryabushkina I.B. Obshchestvo budushchego // Filosofiya i kul'tura. 2012. № 2.
7. Kozhevnikova M. Gibridy i khimery cheloveka i zhivotnykh v istorii kul'tury i nauke // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. 2012. T. XIV. V. 1.
8. Kutyrev, V.A. Vremya Mortido. M., 2012.
9. Losev A.F. Istoriya antichnoy estetiki (rannaya klassika). M., 1963.
10. Losev A.F. Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura. M., 1991.
11. Meletinskiy E.M. Obshchee ponyatie mifa i mifologii // Mifologicheskiy slovar'. M., 1991.
12. Prayd V., Medvedev D.A. Fenomen NBIC — konvergentsii: Real'nost' i ozhidaniya // Filosofskie nauki. 2008. № 1.
13. Primi krasnuyu tabletku: nauka, filosofiya, religiya v «Matritse». Sb. / Pod red. G. Yeffa. M., 2003.
14. Reale D., Antiseri D. Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashikh dney. Ot romantizma do nashikh dney. SPb, 1997.
15. Sverdlov A.D. Na poroge bessmertiya. Bliki. M., 1993.
16. Taylor E.B. Pervobytnaya kul'tura. M., 1989.
17. Tokarev A.S. Chto takoe mifologiya? // Rannie formy religii. M., 1990.
18. Tul'chinskiy, G.A. Novaya antropologiya: lichnost' v perspektive postchelovechnosti // Voprosy filosofii. 2009. № 4.
19. Frezer Dzh. Zolotaya vetv': Issledovanie magii i religii. M., 1983.
20. Frezer Dzh. Fol'klor v Vetkhom zavete. M., 1986.
21. Yung K.G. Dusha i mif: shest' arkhetipov. Kiev, 1996.
22. Drexler K.E. Engines of Creation 2.0: The Coming Era of Nanotechnology. Updated and Expanded // http://www1.appstate.edu/dept/physics/nanotech/EnginesofCreation2_8803267.pdf.
23. Fukuyama F. Transhumanism — the world's most dangerous idea // <http://www.au.dk/fu-kuyama/boger/essay>.